

Луначарский Анатолий Васильевич

Освобожденный Дон Кихот

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А64

А64 **Анатолий Васильевич Л.**
Освобожденный Дон Кихот / Луначарский Анатолий Васильевич – М.: Книга по Требова-
нию, 2024. – 150 с.

ISBN 978-5-519-94111-2

ISBN 978-5-519-94111-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

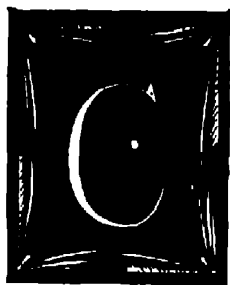
Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КАРТИНА І

инее небо. Слева лес пиний, бросающий черную тень на лужайку и дорогу. Справа обрыв вниз. На заднем фоне раскаленный каменистый, красновато-серый пейзаж.

Привал. Четыре солдата с алебардами караулят трех арестантов. Поодаль сидит офицер.

Арестанты: Дон Балпазар, саламанкский студент, лет 26, тощий, изголодавшийся, одет в узкое черное платье, потертое и в нескольких местах лопнувшее по швам. Длинные прямые грязные волосы падают на плечи. Лицо бледно и красиво: огромные глаза, высокий лоб, решительные губы.

Кузнец — Дриго Пацц, грузный, мрачный, лохматый мужчина, смотрит исподлобья, брови косматые. Почти вся грудь голая и поросшая шерстью.

Разбойник — цыган Стро Вермиллон, фантастически одетая личность с лицом краснокожего.

Офицер. Слишком жарко. В эти месяцы Испания ад, да благословит ее бог.

1-й солдат. Нечего пить, синьор поручик.

Офицер. Вот это главное... Конечно, верхом я мог бы добраться до ближайшей таверны менее, чем в час, но плетясь в ногу с этими канальями... (Па-

уза.) Вот что я придумал: я поеду вперед. Что может случиться? Как бы ни были велики преступники, не убегут же три связанных человека от четырех вооруженных молодцов, как вы.

1-й солдат. Можете быть спокойны, синьор поручик.

Офицер (*вставал*). До скорого свиданья, друзья. Буду ждать вас в ближайшей харчевне у дороги. Можете отдохнуть здесь еще часок. За курицей и флягой, в беседе с хорошенькой служанкой я умею быть терпеливым.

1-й солдат. Терпение—великая добродетель, синьор поручик.

(Офицер уходит за кулисы налево.)

1-й солдат. А мы давайте глотать воздух.

2-й солдат. Самый несчастный человек—это конвойный. Сторожа преступника, он живет его жизнью. Но у преступника есть утешение в мысли, что он несет заслуженную кару. А у конвойного...

3-й солдат. Я до того зол сейчас, что ежеминутно готов расколоть череп одному из этих негодяев.

4-й солдат. Мир и спокойствие. Бедным канальям все равно не уйти от веревки.

3-й солдат. Только это меня и удерживает.

1-й солдат. Эй, слушай, ты, цыган. Ты, красная рожа. Ты ведь—разбойник Вермилбон? Ты бежал, когда святая Германдада разогнала твою шайку, осаждавшую замок маркиза Акакуаны. Поручик сказал мне это.

Вермилбон. Синбор поручик—мудрец и астролог. Синбор поручик знает больше, чем я сам. Что касается меня самого, то на мой взгляд, и насколько себя знаю, — я просто торговец лошадьми. Все зовут меня Луд Белла Мура. Однако вот меня повесят. Что поделаешь. Я не первая жертва судебной ошибки.

3-й солдат. Будем надеяться, что и не последняя. Если ты даже и не Вермилбон, то уж, наверное, негодяй. Уж тебе-то, конечно, не дано долго раздумывать, чтобы догадаться, за что провидение ведет тебя к петле. Судбы могут ошибаться, но промысел божий никогда. Без него и волос не упадет с головы человека.

(Солдаты один за другим снимают каски и крестятся. Вермилбон тоже.)

Вермилбон. Однако уверяю вас, синборы солдаты, что я мирный и честный торговец!

1-й солдат. Честный торговец! *(Хохочет.)* Если бы ты был действительно разбойником, я бы еще мог, пожалуй, поверить в твою возможную честность, но честный торговец... *(Все четыре солдата хохочут.)*

Вермилбон. Не думаете же вы, что все торговцы заслуживают быть повешенными.

1-й солдат. Я не далек от этой мысли, да простит мне Мадонна.

2-й солдат. Беда в том, что кому-нибудь все равно надо торговать.

4-й солдат. Верно сказано. Перевешай купцов, найдутся другие. Мы прогнали мавров, но разве свои мень-

ше грабят народ? Мужики ненавидят судей, монахов, солдат... Карамба! Люди меняются, но порядки остаются: вот опять говорят о бунте заговорщиков, но я знаю цену этим ребятам: они хотят свалить начальство, чтобы начальствовать самим. Мужик не становится никогда легче. Кто-нибудь всегда сприжет стадо. Вишь, надоели пастушьи собаки. Что ж, лучше будет с волками.

1 - й с о л д а т. Народу худо. Он ворочается, как больной на постели, хоть знает, что все бока отлежал одинаково. Народу худо, општого повсюду брожение.

2 - й с о л д а т. Новый герцог со своим Дон Мурцио слишком жаден и расточителен. К тому же безнравственность его вопиет к небу, как говорят капюцины про ласковых девочек.

1 - й с о л д а т. Кто лучше? Отец был святоша, не расставался с монахами, постился и бичевался. А этот содомит и кутила. Однако народу одинаково скверно. Нам, солдатам, пожалуй, стало лучше. Герцог любит, чтобы солдат был веселый.

3 - й с о л д а т. Когда мы прогнали войска союза городов и вошли в Вальядолин — капитаны просили распорядиться о квартирах и довольствии. Тогда герцог сказал: «Вальядолин вел себя подозрительно, и вам и мне будет веселее, если солдаты сами устроятся». Уж мы же и устраивались. По мере того, как мы пьехали и входили во вкус — было все меньше спуска горожанам. Под конец женщины и девушки уже боялись прятаться и сопротивляться. Мужья, отцы и братья ни в чем не противоречили. Все они ходили бледные,

как трупы, и исполняли каждую прихоть любого солдата. А мы, наоборот, стали красные, растегнулись, рычали и громили. Мы даже заставляли эти привидения смеяться, петь и плясать. У каждого в душе дрожал ужас перед собственным зверем, и вместе с тем каждому солдату было сладко дать этому зверю свободу и власть над другими. Два дня и две ночи шел праздник. На третий приказали выступить. Трудно было выполнить приказ. Повесили шестдесят шесть солдат на площади, потом мы выступили.

Вермилбон. Если Вермилбон, за которого меня принимают, разбойник, то его высочество герцог...

3-й солдат. Договаривай, договаривай, негодяй! Или ты не понял, что владельцы особы могут делать все, оставаясь в добрых отношениях с моралью, законом и религией. Они не грабят, а ведут войны. Они не убивают, а казнят. Они не насилуют, а делают честь. Не воруют, а конфискуют. Не лгут, а проявляют дипломатический дар. Не обирают, а взимают налоги... Да... ибо нет власти не от бога.

4-й солдат. Аминь.

Дон Балтазар. Все верно. Но кто сказал, что власти поставлены богом?

3-й солдат. Кто? Церковь, если ты хочешь знать.

Дон Балтазар. Церковь делит с владельцами все выгоды власти и богатства. Почему нам не предположить, что она лжет?

1-й солдат. За такие слова костер.

Дон Балтазар. Меня все равно повесят. Почему мне не пофилософствовать?

1-й солдат. Кто ты такой?

Дон Балтазар. Я Балтазар из Саламанки. Студент философии и богословии.

1-й солдат. За что тебя волочут к герцогу?

Дон Балтазар. Я бунтовщик. Я проповедывал по всей стране восстание во имя Бога и справедливости.

2-й солдат. И видно, что лгал, иначе Господь не предал бы тебя в руки твоих врагов. Богослов! Поди ты к чорту. Ответь мне, если ты студент, на один вопрос: Бог всемогущ или нет?

Дон Балтазар (*вставая и становясь на колени; четвертый солдат делает то же*). Ну?

4-й солдат. Ты попался. Если он всемогущ, то все на свете делается по его воле. Раз власть у герцога — то тут не надо никаких уверений паперов — она не может быть у него иначе, как согласно воле господней.

Дон Балтазар. Это мне нравится. Откроем диспут. Скажите же и вы мне, синьор солдат, совершаются ли вообще на земле преступления или нет?

4-й солдат. Если я скажу — да?

Дон Балтазар. То выйдет, что и преступления, как все на свете, совершаются по воле божьей. Но кто действует по воле божьей, не может быть признан преступником, ergo — нет преступления на свете.

4-й солдат. Если я соглашусь, что нет?

Дон Балтазар. Если преступлений нет, то короли, судьбы, палачи и солдаты, все карающие, карают невинных. Но карать невинного преступно; ergo — преступление есть.

4-й солдат. Хитро...

Дон Балтазар. Еще один вопрос: все ли вообще хорошо на свете?

4-й солдат. Сомневаюсь.

Дон Балтазар. Итак, всемогущий бог, очевидно, желает, чтобы на свете было плохо.

4-й солдат. Я часто допускаю, что бог не так уж благ.

Дон Балтазар. Ужасное допущение. За него — костер, синбор солдат. Если сам бог не благ, то бытие — ад. Все бытие тогда сплошное издевательство.

4-й солдат. Похоже на то, синбор студент, которого везут вешать.

Дон Балтазар. Нет, уж если быть еретиком, так иначе. Если бы сам бог был зол, откуда же возник бы в нашем сердце идеал добра? Почему мы все любим добро? Почему каждому страшно подумать, что мир лежит навеки во зле? Почему так радостно трепещет сердце каждого, когда ему скажут: ты не понимаешь, но на самом-то деле все очень хорошо, ибо великий и нежный отец небесный блюдет над миром? *(Вскакивает на ноги.)* Откуда в душе человека любовь? Покайтесь! У каждого из вас есть много любви в душе под черствой коркой и ржавчиной жизни. О, кавалеры, человек не может быть лучше бога, но я говорю вам, и тебе, дружище Дриго, и тебе цы-

ган, и вам, лес, небо, солнце, каменистая Сьерра:
бог — благ, бог — благ.

Д р и г о. Успокойтесь, Дон-Балтазар, и помолчите.

4-й солдат. Философ без головы. Но если он благ,
откуда зло?

Д о н Б а л т а з а р. Я же вам сказал, философ с головой
в каске, что выбираю другую ересь. Попробуем под-
вергнуть сомнению ваше первоначальное допущение.

4-й солдат. То — есть?

Д о н Б а л т а з а р. Допустим, что всеблагий не всемо-
гущ. Тогда все ясно.

(Торжественная пауза.)

Он благ. И медленно из мрака возводит здание по-
рядка и счастья. Строит из холодной пустоты ма-
гистерии — тепло, свет, жизнь, дух и высшее, что есть
в бытии — любовь. Но мрак и холод сильны. Они
калечат задуманное дело. А мы — искра его огня,
мы — его помощники, рыцари любви. Вот почему я
проповедывал на всех дорогах и дорожках восстание
против угнетателей во имя братства. Я был прав.
Я сделал мало. Но сделал, что должен был сделать.
Здравствуй, виселица! Смерти я не боюсь, а боюсь
быть отступником света, трусливым и неверным
слугою любви.

(Пауза.)

1-й солдат. Расстреливались цикады...

(Пауза.)

В е р м и л ь о н. Тихо. И словно кто-то дышит гро-
мадный.